

ПРОБЛЕМА ИСТОРИЗМА И ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА В ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ А. ПУШКИНА И Б. ОКУДЖАВЫ

Статья является результатом анализа проблемы исторического повествования в творчестве А. С. Пушкина и Б. Ш. Окуджавы.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, Б. Ш. Окуджавы, историческая проза, нарративные стратегии, «Свидание с Наполеоном», «Путешествие дилетантов».

В 1975 г. Булатом Окуджавой было создано стихотворение «Я пишу исторический роман», которое сконцентрировало его основные идеи и размышления по поводу исторического повествования. Сам поэт историю появления данного произведения комментировал так: «Однажды один московский критический журнал попросил нескольких литераторов написать о том, для чего мы пишем и почему мы пишем. Так как я не умею писать статьи и не очень люблю анализировать себя самого, я отказался. Остальные написали очень серьезные исследования собственного творчества. А я написал стихотворение и послал в журнал...» [1].

В лаконичной форме автор утверждает основные положения любого исторического романа: документальность, фактичность, достоверность изображаемого прошедшего времени («наводил о прошлом справки» [2, с. 262]) и использование творческой фантазии художника – поэта, но не историка («вымысел – не есть обман» [там же]). Строфа «Замысел – еще не точка» [там же] свидетельствует о том, что замысел не дает окончательных очертаний произведения, персонажи могут влиять на автора, на создание художественного текста.

Во многом это стихотворение, которое было написано параллельно с произведением «Путешествие дилетантов», отражает взгляды автора на принципы исторического повествования. Строфа «и поручиком в отставке // сам себя воображал» [там же] емко характеризует прием романа «Путешествие дилетантов», который выразился в стирании границ между Б. Окуджавой и Амилахвари, что способствовало возникновению интонации, заставляющей верить в историческую реальность происходящего. Помимо этого, данная строфа свидетельствует об авторской возможности вообразить себя другим – примерить любые маски, прожить разные социальные роли.

Постепенно происходит расширение смысла стихотворения. Далее уже речь ведется не только об исторической прозе, но и о творчестве вообще. Анализируя произведение «Я пишу исторический роман», Вл. Новиков пишет: «Искусство такая же естественная и полноправная часть жизни, как

«роза красная». И право художника на собственное видение и изображение мира – это природный закон» [3, с. 51]. Не всегда художник нуждается в романтической позе, в противопоставлении себя и толпы. Поэт сам становится на позицию читателя, используя местоимение «наш»: «Не наше дело», «Не нам судить». А предпоследние строфы («Как он дышит, так и пишет, // не стараясь угодить...» [2, с. 262]) относятся не только к самому автору, но и к «каждому», способному творить, созидать. Из многовековой истории можно извлечь множество примеров, когда художнику приходилось наступать «на горло собственной песни» в угоду правительству, из честолюбия или из страха. «Но Окуджавы имеет здесь в виду естественную норму, природную сущность искусства, которое не может не быть свободным. И такая возможность потенциально открыта перед каждым человеком» [3, с. 52].

Таким образом, искусство пытается одновременно совместить условность и творческую активность воспроизведения движущейся истории, прошлое и настоящее, настоящее и будущее, частное и общее, индивидуально-личное и всемирно значимое. И именно это определяет специфический характер исторически художественных произведений Б. Ш. Окуджавы в отличие от исторически научной, документальной литературы.

В романах поэта второй половины XX в. очевидна ориентация на классические образцы литературы XIX в. Но особое место в творческом сознании Б. Ш. Окуджавы занимает пушкинская традиция. Сам он признавался: «Творчество Пушкина не просто оказало на меня влияние – оно меня созидало» [4, с. 28].

Далее попытаемся наметить подходы к анализу исторического повествования Б. Ш. Окуджавы с точки зрения пушкинской традиции.

В литературе XIX в. едва ли найдется другой такой поэт и писатель, обладающий глубоким и сильным историческим сознанием, историческим чутьем, как А. С. Пушкин. Масштабность исторических представлений классика, образ самой истории впечатляют в «Капитанской дочке», «Рославле», удивляют при погружении в мир «петербургской повести» и «славной хроники». При этом

характер историзма и художественного мышления поэта не был статичным. Движение от исторических сочинений к романам, само понимание истории как «грядущего прошлого», попытка через судьбоносные события русской действительности осмыслить ход истории, ее сущность и связь с человеческой жизнью свидетельствуют об эволюции взглядов А. С. Пушкина на историческое повествование.

Об историзме и историческом романе А. С. Пушкина написано немало работ (И. М. Тойбин [5], Г. П. Макогоненко [6; 7] и др.). Несомненно, что это одна из ключевых проблем в наследии поэта XIX в. Попытаемся проанализировать главные принципы пушкинской традиции, связанные с историческо-философской проблематикой, в романах Б. Ш. Окуджавы.

В художественном мире А. С. Пушкина история постигается в диалектике частного и общего. В контексте большой истории существует история обычного, миллионного человека, столь же драматичная и значимая. В то же время изображение личности человека неразрывно связано с общественной средой, находится в зависимости от объективных, конкретно-исторических условий жизни. Но в произведениях акцент ставится не на изображении среды как таковой, не на выявлении психологических и социальных мотивировок. В центре человек – не индивидуалистический герой, а человек, который ощущает себя в единстве с национальной, народной жизнью. Так, в незавершенном произведении «Рославлев» Пушкин прежде, чем рассказать о главных событиях в жизни героини, характеризует ее и окружающую среду. Одинокая, никем не понимаемая, гордая и молчаливая Полина явилась в романе истинной патриоткой. Чувство патриотизма сближает ее с народом, который выступает в произведении не просто стихийной массой, а представлен как активная и решающая сила в крупных исторических событиях. Чувство патриотизма и сознание национальной независимости свойственны народу в высшей степени.

Историческое прошлое Пушкин понимал как предысторию своего времени, это не только источник толкования настоящего, но и ключ к предугадыванию будущего. Обращаясь к судьбоносным сюжетам русской жизни – эпоха Петра I, пугачевщина, Отечественная война 1812 г., декабризм, он пытается осмыслить ход истории и ее сущность. В творчестве 1830-х гг. это ощущение «грядущего прошлого» явлено в полной мере. В таких произведениях, как «Медный всадник», «Пиковая дама», «Египетские ночи», картины прошлого сменяются современностью. Даже в «Капитанской дочке» благодаря образу повествователя – мемуаристу Гринева, который дожил до «царствования импера-

тора Александра», – историческая тема своеобразно переключается в современную. В связи с этим возникает ощущение многомерности времени, разных масштабов отсчета. «При этом особенно важно подчеркнуть, что за различными формами времени (физическим, повествовательным и т. д.) в пушкинском творчестве 1830-х гг. в целом стоит время историческое, Время с большой буквы – мы слышим его шаги, ощущаем шествие самой истории» [8, с. 47], – пишет И. М. Тойбин.

Проблемы исторического развития России А. С. Пушкиным вписаны во всемирно-исторический контекст. Идея о том, что национальная история каждого народа – часть всемирной истории, одна из основных в философии истории поэта XIX в. Например, в произведении «Арап Петра Великого» автор эпоху Петра I сопоставляет с Францией времен регентства. В начале романа представлена исторически точная картина французского высшего дворянского общества первой четверти XVIII в. Пушкин оттеняет не только материальный, но и моральный упадок аристократии, сопровождающийся свободомыслием, беспечностью и блеском в жизни страны. На контрасте дает писатель характеристику времени Петра. Эпоха эта изображена через культурную жизнь, в столкновении старых привычек с новыми порядками, вводимыми Петром. Охарактеризовав в произведении три типа культуры: старой боярской Руси, петровской России, аристократической Франции, Пушкин нарисовал в «Арапе Петра Великого» широкий исторический фон.

Наиболее диалектическая позиция в художественном сознании поэта XIX в. – пушкинская позиция относительно вопросов художественного вымысла и исторической истины. По справедливому замечанию Тойбина, «идеалом является единство, гармоническое соответствие художественной правды и исторической. Вместе с тем соотношения между исторической истиной и формами ее художественного выражения сложны и многообразны, ибо «поэзия остается всегда поэзией»... Правда искусства отнюдь не просто повторяет правду историка. А. С. Пушкин отстаивает внутренние возможности искусства, своеобразие его языка» [8, с. 40]. Таким образом, как бы ни сближались история и творчество, Пушкин прежде всего художник. Поэтому движение в его творчестве от исторических сочинений к романам вполне закономерно. Так, события крестьянской войны 1773–1775 гг. под предводительством Пугачева в прозе Пушкина отображены в монографии «История пугачевского бунта» и в повести «Капитанская дочка». Но образ Пугачева в этих произведениях получился разным.

«Капитанская дочка» – небольшое по объему, но очень емкое по содержанию произведение, по-

священное крестьянскому восстанию, вместе с тем повествует о судьбе частного человека, судьбе Петра Гринева. Изображение истории, таким образом, явлено «домашним образом».

В «Капитанской дочке» нашли отражение жизнь отдельной семьи и жизнь народа, личность Пугачева и двор Екатерины II. Но рисуя повседневную жизнь народа, автор в то же время изображает его необезличенно. В крепостном Савельиче, капитане Миронове, его жене Василисе Егоровне и других проявляется истинно русский характер. Хотя очевидно, что внимание А. С. Пушкина приковано к руководителю восстания. Наиболее полно этот образ раскрывается во взаимоотношениях с главным героем. Именно Гринева, как очевидец и соучастник событий, мог представить Пугачева не только извергом, злодеем, душегубом. «...осуждая, не принимая восстания, он принужден был свидетельствовать не только о кровавых расправах Пугачева, но и о его человечности, справедливости и великодушии» [7, с. 352], о гуманизме, способности к милосердию. В этом нет идеализации. Для Пушкина все эти черты и качества выражают национальный характер русского народа.

Таким образом, мы акцентировали внимание на основных принципах исторического повествования в творчестве А. С. Пушкина, нашедших продолжение и трансформации в романном наследии Б. Ш. Окуджавы.

Исследователи, анализируя историческую прозу 1960–1980-х гг. (романы Окуджавы в частности) и сопоставляя ее с литературой предшествующих периодов, сходятся во мнениях о трансформации и видоизменении жанра исторического романа. А. Латынина и Я. Гордин, В. Оскоцкий и А. Пауткин ищут новые подходы к исследованию, пытаются сформулировать новые критерии анализа исторической романистики. Пауткин в своих работах утверждает, что «историзм обретает... характер глубоко заинтересованного личностного ощущения истории» [9, с. 12]. Латынина причины подобного взаимодействия истории и современности наблюдает в «утомленности от монументализма исторического романа, забывавшего порой про частного человека» [10, с. 11].

Обращаясь к «делам давно минувших дней», возвращаясь к осмыслению «проклятых вопросов», подвергая переоценке сложившуюся в литературе стереотипную трактовку проблемы «человек и история», в своих романах Б. Ш. Окуджава опирается на опыт предшественников. Но оригинальность его переосмысления в прозе традиций русской классики заключается в том, что она «не вырастает из истории, а как бы надстраивается над прозой XIX в., используя мотивы, сюжеты и образы, которые были связаны с прежней литературной

традицией и воссоздаются автором в духе этой традиции» [11, с. 5]. Поэтому романы автора второй половины XX в. предпочтительнее называть «культурологическими» [12, с. 164]. К тому же сам Б. Ш. Окуджава признавался: «Я принимаю термин «историческая проза» как условный. Есть литература как способ самовыражения. На историческом материале, на современном ли – это уже второстепенное» [13, с. 137].

Своеобразие исканий романиста XX в. состоит в том, что он использует возможности временной дистанции как средство «остранения» [14]. Действие в его романах сосредоточено на значительных событиях, связанных с восстанием на Сенатской площади. В «Бедном Авросимове» писарь был свидетелем допроса декабристов, в частности Пестеля. В произведении «Путешествие дилетантов», сюжет которого разворачивается в 1840–1850-х гг., князь Мятлев и автор-повествователь неоднократно возвращаются к произошедшему 14 декабря. В «Свидании с Бонапартом» действие романа начинается с Великой французской революции 1789 г., в центре – Отечественная война 1812 г., которая формирует героев Сенатской площади, а произошедшие события определяют трагический итог жизни одного из центральных персонажей – Тимофея Игнатьева.

Изображая судьбоносные моменты в истории России, Б. Ш. Окуджава идет не по центру событий, а по периферии. Перед нами разворачивается судьба русского народа, эпоха XIX в., представленная в записках, дневниках, мемуарах глазами рядовых, «средних» людей. В связи с этим романы Окуджавы можно назвать центростремительными, ибо в них автор все пространство эпохи подчиняет раскрытию характеров, выяснению индивидуальных судеб Варвары и Луизы, Пряхина и Тимофея Игнатьева, генерала Опочинина и Александра Свечина, Лавинии Ладимировской и Сергея Мятлева, многих других. История жизни обычных людей раскрывается на фоне жизни исторической. При этом обращение к событиям века XIX и их познание «способствуют накоплению духовного опыта, который перерабатывается современным сознанием и дает возможность современному человеку создать собственные политические, общественные, нравственные построения, соответствующие его эпохе» [15, с. 97].

В романах Булата Окуджавы представлены разные точки отсчета времени. В «Свидании с Бонапартом» в дневниках Пряхина отражены события Отечественной войны 1812 г., которые заносились по свежим следам. Воспоминания Варвары Волковой и Николая Опочинина даны в ретроспекции. В то же время сама историческая мысль Окуджавы постоянно переключается в современную: служит

ли она напоминанием о хрупкости человеческого счастья или о вреде для человека всякого насилия. И за всеми этими разными формами времени существует время историческое. Апелляция и обращение к прошлому связаны с тем, что, по выражению самого Б. Ш. Окуджавы, «прошлое состоит из устоявшихся фактов и представляет собой весьма привлекательную почву для размышлений...» [13, с. 127]. Однако в прозе поэта XX в. идеи прошлого не навязываются настоящему, они сопоставляются с идеями, современными автору. Основываясь на фактах прошлого, свои романы Окуджава по смыслу направляет в будущее.

Подобно тому, как А. С. Пушкин в «Арапе Петра Великого» сравнивает французское общество и российское, для романиста XX в. в Отечественной войне 1812 г. неразличимо горе русских, французов или австрийцев. Поэтому он выводит на сцену в произведении «Свидание с Бонапартом» не только историю жизни и судьбы семей Опочининых и Волковых. Автор знакомит с «горестными воспоминаниями» французской певицы Луизы Бигар, а также с биографией австрийского эмигранта Франца Мендера и французского интенданта Пасторэ. Таким образом, в прозе Окуджавы проблемы исторического развития русского общества не изолированы, а вписаны во всемирно-исторический контекст.

В одной беседе автор второй половины XX в. как-то признался: «Вот сейчас заканчиваю роман «Свидание с Бонапартом». Критики ищут в моей прозе исторические неточности, а это романы, а не научные трактаты» [16]. И этим самым он утверждал свое право на творчество, фантазию. Ему, как и Пушкину, в художественном произведении важно передать дух эпохи, пусть иногда в ущерб достоверности фактов. По меткому замечанию Ю. Минералова, «художественный стиль всегда парафразирует, а не фотографирует историю. Отсюда внешние «неточности», которые в принципе не помеха глубокому проникновению художника в суть изображаемого, истинной точности» [17, с. 82].

Несомненно, что Б. Ш. Окуджава перед написанием романов увлекался историей. Так, замыслив роман о Пестеле и знакомясь со стенограммами допросов декабристов, он обратил внимание на неграмотность записей. И представил себе некоего молодого писателя, вообразил себе, каково могло быть восприятие дела декабристов таким наивным и недостаточно грамотным человеком, какое влияние могли оказать личности допрашиваемых на его душу. Так зародился образ Авросимова, бедного «господина Вани».

Достоверность исторической прозы не равна буквальному воспроизведению фактов, материалов. Но для максимально правдоподобного изло-

жения событий прошлого необходимо было взглянуть на эпоху изнутри. В связи с этим в романах Б. Ш. Окуджавы появляется фигура свидетеля, очевидца, наблюдателя – мемуариста. Как замечает исследователь: «Но, таким образом, это третье лицо стоит и между писателем и событием. И это дает возможность писателю строить модель события, совершенно достоверную по фактуре, – рассказчик видит происходящее своими глазами, – и в то же время, пользуясь правом свидетеля на субъективные особенности восприятия, выбирать генеральный, по мнению писателя, вариант из всех кроющихся в реальной ситуации» [15, с. 127–128].

Анализируя прозу Б. Ш. Окуджавы, становится очевидно, что мемуарная форма его романов восходит к «Капитанской дочке» А. С. Пушкина, при этом «речь идет не о литературном приеме, а о способе выяснения исторической истины, существа эпохи» [там же, с. 128].

Эта идея свидетеля в истории пришла к Пушкину не сразу. В его творчестве 1830-х гг. можно обнаружить разнообразие форм повествования (записки дамы, «семейственная» хроника, родовое предание) и лиц, которые ведут это повествование (по полу, возрасту). Приписывая свои сочинения вымышленному автору, он использует знакомый читателю того времени прием (в частности, по произведениям В. Скотта) для того, чтобы проникнуть в жизненную философию частного человека, понять мотивировки его поступков в связи с историей конкретной эпохи.

Спустя целое столетие эти же вопросы – жизнь обычных, средних людей, выявление потенциальных возможностей, внутреннего самостоятельного человека, изображение истории «домашним образом» – волновали Б. Ш. Окуджава. Его прозаические произведения наполнены письмами, мемуарами, воспоминаниями, записками, дневниками (в «Свидании с Бонапартом»), рассказчик двойится, тройится, и трудно определить границы рассказываемого Амилахвари, Мятлевым, Окуджавой (в «Путешествии дилетантов»).

Романист XX в., как и его предшественник, прибегает к помощи разных нарративных стратегий. Использование масок – абстрактный автор, нарратор, издатель – связано со стремлением А. С. Пушкина и Б. Ш. Окуджавы не только создать произведение с занимательным сюжетом, но и со стремлением наполнить его «мыслями», актуальными для автора и современников. Это обусловлено попыткой понять действия, поступки обычного, «среднего» человека. В «Путешествии дилетантов» о жизни князя Мятлева и Лавинии нам рассказывает отставной поручик Амилахвари. Подобно Белкину, которому истории поведаны девицей К. И. Т., подполковником И. Л. П., титулярным советником

А. Г. Н., приказчиком Б. В., Амилахвари «пользовался пересказами, слухами и случайными записями очевидцев» [18]. Кроме взгляда отставного поручика, роман насыщен письмами госпожи Тучковой, ван Шонховена, Мюфлинга, господина Лади-мировского, анонимными письмами. И все произведение обрамляется словами Окуджавы, который приводит эпиграфы, пишет вставные главы о Николае I, современное послесловие.

За всеми персонажами, в том числе за Белкиным и Амилахвари, возникает единый образ настоящего субъекта повествования всех рассказов, объединяющего их в единую систему, образ поэта. От себя он вводит в произведение все, что необходимо для более зрелого понимания. Эта «маска» позволяет предпринять попытки для анализа проблем современности, завуалированных событиями прошлой истории. Но здесь же принципиально важно оговорить различия в позиции писателей. На создателя «Повестей Белкина» и «Истории села Горюхина» постоянно направлена нескрываема ирония Пушкина, которая является элементом литературной игры. В романе Окуджавы самоирония отсутствует. Связано это с тем, что автор старается встать на место Амираана Амилахвари, стереть разницу между рассказчиком и собой [19, с. 58], что позволяет верить в историческую реальность происходящего.

Для достижения полифонии в изложении событий романист XX в. избирает разные жанровые традиции: эпистолярное, мемуарное повествование. Четыре части «Свидания с Бонапартом», каждая из которых имеет своего автора, вместе составляют жизнеописание семьи Опочининых и Волковых, изображают процесс взросления героев. Именно в этом смысле роман Окуджавы устремлен к «Капитанской дочке» А. С. Пушкина, которая представляет собой «семейственную хронику»: в ней дана попытка автора показать «среднего» человека, рассказать психологию чести как поведенческого текста. Обращение Пушкина к «среднему» сознанию Гринева связано, во-первых, с тем, что сознание, которое сформировано самой эпохой, – это идеальная «маска» для исторического романиста. И вместе с тем события, люди, время, воссозданные отдельным, конкретным, частным человеком, больше способствуют поиску и определению истины, чем факты, логически правильно выстроенные в ряд. Традиция «домашних мемуаров» привычна, понятна, оправдана для читателя [20, с. 280].

Гринев в романе «Капитанская дочка» – носитель двух функций: он очевидец и свидетель Пугачева, его деяний и поступков. В то же время Гринев – русский дворянин, который пишет мемуары для будущих поколений.

В романе «Свидание с Бонапартом» Николай Опочинин тоже оставил воспоминания своему племяннику Тимофею Игнатьеву, снабдив их рефлексией, которой еще не было у Гринева. Но в отличие от пушкинского героя, генерал Окуджавы осознает, что его судьба никому уроком быть не может, так как он сам не в состоянии понять ее механизмов.

Форма повествования от вымышленного автора помогает Пушкину показать изображаемую эпоху глазами очевидца, глазами современника исторических происшествий, дает возможность скрыть авторское начало, выявить нравственную атмосферу событий [21].

На стилистическом уровне добиться многоголосья в осмыслении происходящих исторических событий Б. Ш. Окуджаве в романах помогает активное использование форм «чужой речи». В связи с созданием новой поэтики, в которой возможно смешение разных точек зрения, он обращает свой взор к «Евгению Онегину». Ставя перед собой цель – создать имитацию документа, которая не только соответствовала бы по ощущению достоверности подлинным мемуарам, дневникам, но и превосходила их смысловой концентрированностью, в «Свидании с Бонапартом» он приходит к роману в стихах. Для него идеальным является такой тип пушкинского повествования, который предполагает, что автор-повествователь выступает как очевидец, соучастник и наблюдатель. Для романов Пушкина и Окуджавы одной из значимых особенностей становится сложное переплетение форм «чужой» и авторской речи. Наиболее распространенные формы – монологи от лица какого-либо персонажа, выделенные графическими признаками «чужого» слова, и диалоги между героями.

Помимо этого в пушкинском романе в стихах и прозаических произведениях Б. Ш. Окуджавы эпиграфы и авторские примечания, а также цитаты и реминисценции выступают в качестве форм существования «чужой» речи. Жизнь и судьба героев «Евгения Онегина» разворачивается на фоне таких произведений классиков русской и зарубежной литературы, как Н. М. Карамзин, В. А. Жуковский, Л. Стерн, Ж.-Ж. Руссо, Ж. де Сталь и др. На страницах «Путешествия дилетантов» сосуществуют мифологические герои и реальные исторические деятели: Марс и Ян Вермеер, Аполлон и К. В. Нессельроде. В «Свидании с Бонапартом» история французской певицы Луизы Бигар перекликается с историей загоскинской-пушкинской Полины. Ситуация на льду Зачанского пруда генерала Опочинина корреспондирует с судьбой князя Болконского. По мнению А. С. Янушкевича: «Память сюжета у Окуджавы – это не формальная «игра в классиков», а содержательный прием выражения связи времен в русской истории» [22, с. 156].

Смешение поэзии и прозы – еще одна черта, унаследованная Б. Ш. Окуджавой от классической традиции, родоначальником которой был А. С. Пушкин. Уже в таких его произведениях, как «Борис Годунов» и «Евгений Онегин», опыты прозиметрии явились новаторскими в истории русской литературы. В тексте романа «Свидание с Бонапартом» стихи Николая Петровича Опочинина оформлены как проза: «записаны посередине прозаического рассказа от имени героя» [23, с. 27], не «в столбик». Таких «стихотворных» отрывков насчитывается около двадцати: «А Липеньки родимые мертвы. Молчаньем грустным веет от Протвы. Ни баб, ни мужиков своих не встретишь. Не верится, что близко до Москвы!.. ржаной сухарь в солдатском прееет ранце. Прощание нейдет из головы, все разговоры лишь о корсиканце...» [24, с. 333]. В произведении «Путешествие дилетантов» фамилия главного героя восходит к фамилии поэта XIX в. – Ивана Мятлева. Его поэтический талант и унаследовал князь Сергей, стилю которого свойственны шутки, юмор, остроты.

Вчитавшись в произведения А. С. Пушкина и романы Б. Ш. Окуджавы, можно обнаружить разные приемы, перенесенные из поэзии в прозу: аллитерация, включение стихотворных строк, вну-

тренняя рифма, аллюзия на «чужие» тексты, реализация и развертывание речевых клише. Но использование данных приемов не является самоцелью для авторов. Для глубинного понимания законов жизни и поступков людей важен дух поэтического прозрения истории.

Подводя итоги исследования исторического повествования и суммируя пушкинские мотивы в произведениях «Путешествие дилетантов» и «Свидание с Бонапартом», можно сказать, что Б. Ш. Окуджава разглядел в исторических сюжетах, в профиле Наполеона ситуации и лики своего времени [22, с. 160]. В своих произведениях романист XX в. попытался понять, как в одинаковых исторических ситуациях одни люди, сохраняя свою честь и достоинство, остаются людьми, а другие, мимикрируя, утрачивают в душе главное. Он отрицает представление об историческом прогрессе и настаивает на сходстве человеческих проявлений в разные времена, допуская перемены в степени выраженности тех или иных тенденций.

Очевидно одно: проблема пушкинской традиции в творчестве Б. Ш. Окуджавы полисемантическая. Она включает в себя выявление общих мотивов, образов, сюжетов, жанрово-стилевых тенденций, нарративных стратегий художников.

Список литературы

1. Окуджава Б. Я пишу исторический роман // Bards.ru. Электрон. дан. [Б. м.], 2009. URL: <http://www.bards.ru/archives/part.php?id=17923>
2. Окуджава Б. Ш. «Я пишу исторический роман» // Под управлением любви. Лирика 1970–1990. Екатеринбург: У-Фактория, 2002.
3. Новиков В. И. Булат Окуджава // Авторская песня: кн. для ученика и учителя. М., 2002. С. 15–57.
4. Гольдманский В. Он вошел в нашу жизнь // Наука и жизнь. 1987. № 2. С. 26–29.
5. Тойбин И. М. Пушкин. Творчество 1830-х годов и вопросы историзма. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1976. 278 с.
6. Макогоненко Г. П. Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы (1830–1833). Л.: Худож. лит., 1974. 347 с.
7. Макогоненко Г. П. Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы (1833–1836). Л.: Худож. лит., 1982. 464 с.
8. Тойбин И. М. Вопросы историзма и художественная система Пушкина 1830-х годов // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1969. Т. 6. С. 35–59.
9. Пауткин А. И. Авторское присутствие в советском историческом романе наших дней // Вестн. Московского гос. ун-та. 1983. № 6. С. 10–23.
10. Латынина А. «Частный человек» в истории // Литературное обозрение. 1978. № 5. С. 10–15.
11. Зобнина Э. М. Традиции русской литературы XIX в. в прозе Б. Ш. Окуджавы (восприятие, интерпретация, оценка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Э. М. Зобнина. М., 2008. 28 с.
12. Пискунова С. Трагическая пастораль / С. Пискунова, В. Пискунов // Нева. 1984. № 10. С. 161–166.
13. «Минувшее меня объемлет живо...» (Ю. Давыдов, Я. Кросс, Б. Окуджава, О. Чиладзе об историческом романе) // Вопросы литературы. 1980. № 8. С. 124–154.
14. Шкловский В. Искусство как прием. URL: <http://www.opojaz.ru/manifests/kakpriem.html>
15. Гордин Я. От документа к образу (Некоторые черты текущей исторической прозы) // Вопросы литературы. 1981. № 3. С. 96–133.
16. Орлов В. Булат Окуджава в кино и в жизни // Булат Окуджава: биография, стихи и песни. Электрон. дан. [Б. м.], 2008. URL: http://www.bokudjava.ru/stata_1.html
17. Минералов Ю. Да это же литература! // Вопросы литературы. 1987. № 5. С. 62–104.
18. Окуджава Б. Ш. Путешествие дилетантов // URL: <http://lib.ru/PROZA/OKUDZHAWA/diletanty.txt>
19. Гордин Я. Порвалась связь времен? // Вопросы литературы. 1986. № 3. С. 43–70.
20. Вацууро В. Э. Сквозь умственные плотины / В. Э. Вацууро, М. И. Гиллельсон. М., 1972.
21. Макаренко Е. К. Карамзинские мотивы в трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2011. Вып. 11 (113). С. 98–101.

22. Янушкевич А. С. Сюжет «свидания с Бонапартом» в русской литературе и его репрезентация в одноименном романе Булата Окуджавы // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. Томск, 2005. Вып. 7. С. 144–160.
23. Орлицкий Ю. Б. Стих и проза в русской литературе: очерки истории и теории. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1991. 199 с.
24. Окуджава Б. Ш. «Свидание с Бонапартом» // Окуджава Б. Ш. Избранные произведения: в 2 т. М.: Современник, 1989. Т. 1. 526 с.

Выдрина В. В., кандидат филологических наук, преподаватель.

Томский политехнический университет.

Пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050.

E-mail: verav1984@mail.ru

Материал поступил в редакцию 24.01.2012.

V. V. Vydrina

THE PROBLEM OF HISTORICAL NOVEL IN PUSHKIN'S AND OKUDZAVA'S CREATIVE MIND

The article is the result of analysis of the problem of historical narration in the works by Pushkin and Okudzava.

Key words: *A. S. Pushkin, B. S. Okudzava, historical fiction, narrative strategies, "Interview with Bonaparte", A "journey of amateurs".*

Tomsk Polytechnic University.

Pr. Lenina, 30, Tomsk, Russia, 634050.

E-mail: verav1984@mail.ru